

Защитное вооружение Тарасовского могильника (шлемы и доспехи)

Пожалуй, ни в одной другой местности Северной Евразии на сегодняшний день не известно таких крупных и разнообразных археологических коллекций наступательного и защитного вооружения эпохи Великого переселения народов, как в Среднем и Нижнем Прикамье. Естественно, не является исключением и коллекция крупнейшего из исследованных Тарасовского могильника I–V вв. В ней присутствует достаточно большая серия защитного вооружения: четыре шлема (три археологически полных, один - фрагментированный) и три фрагментированных панциря (двух пластинчатых и одного кольчужного).

Лишь одна железная панцирная пластина была найдена в составе жертвенного комплекса в женском погребении 232 I-II вв. ныргындинской стадии пьяноборской культуры. Она была плоской, слегка изогнутой, с одним округлым нижним торцом, размерами 4,7х2,7 см, с тремя вертикальными парами сквозных отверстий у верхнего края и вдоль боковых сторон и с одиночным – в центре скруглённого нижнего торца (Голдина Р.Д., 2004, с. 49; Голдина Р.Д., 2003, табл. 97-1-6). Эта пластина была частью ламеллярного доспеха с вертикальным набором пластин, крепившихся шнурами к подкладке, или без неё. Единственной аналогией являются находки из Кипчаковского I курганно-грунтового могильника, где в двух погребениях обнаружены наборный пластинчатый железный шлем и несколько панцирных пластин (История башкирского народа, 2009, с. 266). Столь большая редкость находок остатков защитного вооружения в могилах I-II вв. пьяноборской культуры свидетельствует всего лишь о высокой степени табуированности на помещение этого вида инвентаря в погребениях. Все остальные шлемы и доспехи были найдены в погребениях 6, 782, 1685 и 1784 (IV-V вв.) Тарасовского могильника, т.е. относятся к эпохе, когда подобное табуирование уже не имело силы.

Шлемы Тарасовского могильника относятся к трём различным типам. Образец из погребения 6 имеет тулью, близкую к полусферической, склёпанную из различного размера прямоугольных и трапециевидных железных пластин. Причём, две продольные половины полусферы соединялись клёпкой общей центральной железной полосой, которая чуть-чуть возвышалась над куполом, не образуя при этом вида гребня. В центральной нижней лицевой части тульи имелся небольшой железный наносник, к которому была приклёпана узкая бронзовая пластина, орнаментированная небольшими насечками. Боковые стороны этой бронзовой пластины имели закручивающиеся на концах петли и образовывали надглазные бровевидные украшения лицевой части оголовья. С боковых сторон шлема при помощи шарниров крепились подвижные железные фигурные нащёчники со сквозными отверстиями для шнуров подбородочных завязок. Пластинчатый назатыльник или какие-либо следы бармицы у данного образца отсутствуют.

Этот тарасовский тип I шлема имеет достаточно близкие аналогии среди боевых оголовий поздне-римской эпохи IV-V вв. Западной Европы. Шлемы, получившие название интерсизского типа (от римского военного лагеря Интерсиза в Венгрии, в котором при раскопках были найдены не менее 4 полных образцов этого типа). Это были железные полусферические образцы из двух цельнокованых половин, склёпанных продольным гребнем. Науши и назатыльники образцов из Итерсизы крепились к подшлемникам. Наносников они не имели. Это были пехотные образцы IV в. и никакого отношения к эволюции более ранних легионерских шлемов они не имели. По мнению Питера Коннолли, оголовья интерсизского типа были принесены в римскую армию наемниками «северо-восточного происхождения, пришедшими в империю из дунайских регионов» (Коннолли П., 2000, с. 260).

Одновременно с пехотными образцами интерсизского типа с территории Римской империи IV-V вв. известно не менее пяти командирских парадных кавалерийских шлемов. Все эти оголовья отличались тем, что они имели серебряные или бронзовые позолоченные обкладки, некоторые со вставками полудрагоценных камней в картушах, с нащёчками и назатыльниками, крепившимися к подшлемникам, с наклёпанными наносниками с надглазьями. Образец из погребения 6 Тарасовского могильника очень близок к этим поздне-римским кавалерийским офицерским шлемам, единственное, что он не имел обкладок пластинами из цветных металлов и назатыльника. Но и

один из этих посеребрённых шлемов из клада второй половины V в. у с. Концешты в Румынии тоже не имел наатыльника.

Сильвано Маттезини относил рассмотренные пехотные и кавалерийские шлемы к римско-сасанидскому типу (Маттезини С., 2014, с.170-172,175-177,208,211). Может быть, это и верно, в персидском искусстве изображения полусферических шлемов встречаются с середины III до VII в. Но реальная находка полусферического иранского образца с цельнокованой тульей, приклёпанном к ней нижним ободом с наносником, украшенных ажурными серебряными накладками, с двумя боковыми плюмажными втулками, с кольчужной бармицей, крепившейся к подкладке подшлемника, происходит из погребения 1а кургана VII начала V в. Тураевского могильника.

Но всё же, находка в погребении 6 Тарасовского могильника позволяет уверенно связывать происхождение позднеримских шлемов инерсизского типа именно с миром германских племён. Неудивительно, что среди германцев даже в более позднюю эпоху, в раннем средневековье, встречались парадные боевые оголовья, ведущие своё происхождение от инерсизского типа: образец из королевского саксонского погребения VII в. Саттон Ху в Англии, шлемы из могильника Вендель в Швеции.

Шлем из погребения 782 Тарасовского могильника относится к типу 2 «решётчатых». Он имеет полуяцевидную форму, округлый нижний обод, откованный вместе с наносником, верхнюю слегка выпуклую пластину. Эти детали соединены приваренными к ним слегка выпуклыми узкими, довольно редко расположенными пластинами. Нижний железный обод вместе с наносником оконтурен по краю наклёпанной бронзовой пластиной с насечками. С боков на петлях крепились железные выпуклые пластинчатые нащёчники, украшенные по краям бронзовыми пластинами.

Остальные три решётчатых шлема полуяцевидной формы из погребений 36 могильника Тюм-Тюм, 27 Суворовского, 80 Нивского могильников IV в. не имели никаких приспособлений защиты лица и щёк и шеи. Происхождение решётчатых шлемов загадочно, никаких аналогий за пределами Среднего Прикамья им не известно. Скорее всего, это было какое-то временное местное новшество в защитном вооружении, оказавшееся весьма ненадёжным. Подобные головные покрытия, может быть, и могли защитить от поперечных рубящих ударов мечей и топоров, но были очень уязвимы при обстреле из луков и для колющих ударов копий и мечей.

«Кулахоподобные» шлемы Прикамья типа 3 с тульей полуяцевидной или усечённой пирамидальной формы в Тарасовском могильнике представлены двумя экземплярами из погребений 1685 (фрагменты образца с вертикальной наборной сварной тульей) и 1784 (цельнокованный археологически полный образец с кольчужной бармицей, нашитой на подшлемник). Шлемы этого типа копируют в металле по форме кулах – традиционный высокий персидский головной убор. Самые ранние известные мне железные кулахоподобные шлемы, смонтированные из 2-3 горизонтальных полос с наносниками, обнаружены в Истяцком кладе I-II вв., в сарматском погребении первых веков нашей эры на Кубани, в погребениях 88 Худяковского и 30 Суворовского могильников IV в. бассейна р. Вятки. Причем, сарматский кубанский и худяковский шлемы имели железные на уши. Распространение этого совершенного вида защитного вооружения тяжёлой конницы, судя по изображениям, шло в Сасанидскую державу (граффити из Дура-Эвропоса), в Римскую империю (барельефы колонны Трояна и арки Галерия), Боспорское царство (посвятительная плита Тифона III в. из Танаиса, росписи керченских склепов II в.). Несколько позднее появились цельнокованные и сваренные из вертикальных полос «кулахоподобные» шлемы вроде тарасовских V в. В Британском музее хранятся два таких же сасанидских иранских шлема. Самым поздним в этом ряду является железный шлем VI в. из могилы франкского вождя в Моркене. В отличие от тарасовского из погребения 1784, он обладал архаичными типично римскими на ушами и плюмажной втулкой, вставленной в совершенно округлый верх купола.

Доспехи Тарасовского могильника конца IV – V в. представлены двумя экземплярами из двух погребений. Панцирь из погребения 1685 представляет собой прямоугольный нагрудник размером приблизительно 50x35 см, состоящий из горизонтально расположенных удлинённых прямоугольных пластин, скреплённых друг с другом железными проволочными кольцами. Аналогичным образом была устроена конструкция хуже сохранившегося наспинника, состоявшего из более крупных пластин. Обе детали железного наборного панциря нашивались на кожаную накладку. Этот тип доспеха имел многочисленные аналогии в Западной Сибири, Алтае и Тянь-Шане III–V вв. Его уверен-

но можно считать гуннским (Зыков А.П., Фёдорова Н.В., 2001, с.132-134, рис.23-2,3; рис.24; Щит и меч Отчизны..., 2008, с.71).

Кольчужный доспех, как и остальные 18 кольчуг Прикамья эпохи Великого переселения народов, был обнаружен в ногах погребённого в могиле 1784 в свёрнутом состоянии, поэтому определить покрой его невозможно. Кольца кольчуги имеют диаметр до 15 мм, толщину до 3 мм круглого сечения. Плетение нормальное: каждое кольцо переплеталось с четырьмя соседними. Кольца соединялись в неразъёмные детали клёпкой. Края тарасовской кольчужной рубахи (горловина?, края рукавов?, подол?) обшивались двойным рядом бронзовых колец, очевидно, исключительно из эстетических соображений.

В конце IV – V в. население мазунинской стадии чегандинской культуры Среднего Прикамья встало перед фактом резко возросшей военной опасности со стороны своих западных и восточных соседей – соответственно, населения формирующихся именьковской культуры V–VII вв. Среднего Поволжья и бродовской стадии второй половины IV – V в. неволинской культуры Сылвенско-Иренского междуречья. Началась более чем «столетняя война» за Среднее Прикамье, известная только по археологическим источникам. Мазунинское население в течение V в. успешно противостояло этому натиску завоевателей, которые на самом деле были спасавшимися от одного, более страшного врага – гуннов, беглецами. Но в том, что мазунинцы столь долго продержались в этом противостоянии двум противникам на двух направлениях, им помогло вливание в их среду пришельцев из Волго-Окского междуречья – носителей культуры курганов тураевского типа. Они резко усилили вооружённость мазунинцев, в том числе и защитным вооружением, укрепили их волю к сопротивлению, приняли командование их ополчениями. (Зыков А.П., 2011, с.66-80).

Голдина Р.Д., 2003. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т.II. Ижевск: Удмуртия. 724 с.

Голдина Р.Д., 2004. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т.I. Ижевск: Удмуртия. . 319 с.

Зыков А.П., 2011. Об этнокультурной ситуации в Среднем Прикамье в эпоху Великого переселения народов // УАВ. Уфа. Вып.11. С.66-80.

Зыков А.П., Фёдорова Н.В., 2001. Холмогорский клад: Коллекция древностей III-IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ. 176 с.

История башкирского народа. 2009. М.: Наука. Т.I. 400 с.

Коннолли П., 2000. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М.: ЭКСМО-Пресс. 320 с.

Маттезини С., 2014. Воины Рима. 1000 лет истории: организация, вооружение, битвы. М.: АСТ. 216 с.

Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древности до наших дней. 2008. Екатеринбург: Раритет. 466 с.

Иванов В.А. (Уфа)

Этногеография Урало-Поволжья в эпоху раннего средневековья по данным археологии, палеогеографии и палеоклиматологии¹

Очертания этнокультурной карты любого региона определяются его природно-климатическими условиями, от которых, в свою очередь, зависят экологический потенциал вмещающего (по Л.Н. Гумилеву) ландшафта, плотность расселения и численность населения, от этого ландшафта кормящегося. Без учета этих обстоятельств любые этнокультурные и этноисторические построения и реконструкции будут иметь характер метаисторического дискурса. В настоящее время археологи располагают опубликованными данными почвоведов и палинологов, согласно которым в середине I тыс. н.э. природно-климатические и ландшафтные условия Восточной Европы были максимально близки современным (Демкин В.А., Демкина Т.А., 1997, с.343-368; Хотинский Н.А., 1977, с.207-212; Ясаманов Н.А., 1985, с.368; Воронина Р.Ф., 2007, с.187-188.). Что это означает для рассматриваемого региона? Во-первых

¹ Исследование выполнено в рамках базовой части Государственного задания на проведение научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ (2014-2016 гг.). Тема НИР: «Кочевники Золотой Орды XIII-XV вв. и казачество Урала XVI-XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности» (Проект № 2936).